

того не зная, ищутъ теперь подъ Брамбеуса. Я не поручусь, что въ беллетристичѣскимъ не предстоитъ въ скоромъ времени возрожденіе «Юрія Милославскаго». Я даже считаю это очень вѣроятнымъ. И наиболѣе сомнительной въ прекрасной книгѣ А. Г. Горюфельда мнѣ представляется статья третья: «Будущее искусства».

М. А. Алдановъ.

Блужданія догмы.

Карлъ Каутскій, Пролетарская революція и ея программа, Книгоиздательство «Волга». — Эд. Бернштейнъ, Спорные вопросы социализма, Издательство С. Ефронъ, Берлинъ).

Кризисъ марксизма является кризисомъ и некоторой религіи социализма. Спасительный или пагубный кризисъ? Какъ извѣстно, кризисы религій часто разрѣшались тѣмъ, что содержаніе, сущность вѣры приносились въ жертву слову и внѣшней формулѣ, или же наоборотъ идейное содержаніе вѣры спасалось цѣною крушенія традицій, пережитковъ и фикцій. Источники христіанства питали, въ расходящихся руслахъ интерпретаціи, и мистическій хилиазмъ, и рационалистическія ученія крайнихъ еретическихъ сектъ. Каковы тенденціи новѣйшей интерпретаціи марксистской догмы?

Два видныхъ теоретика германской социаль-демократіи, ортодоксъ Каутскій и ревизионистъ Бернштейнъ, — изъ которыхъ, впрочемъ, первый, «радикаль», дѣйствовалъ въ началѣ войны какъ оппортунистъ, а второй, «оппортунистъ», сталъ вести себя во время войны какъ радикаль, — издали почти одновременно каждую новую книгу, посвященную программнымъ вопросамъ социализма. И тотъ, и другой остаются вѣрны или стараются остаться вѣрными догмѣ марксизма. И тотъ, и другой пытаются усовершенствовать догму путемъ новыхъ истолкованій. И тотъ, и другой хотѣли быть далеки отъ мысли, что катастрофа, постигшая социализмъ во время войны и по наступленіи большевизма, была преимущественнымъ продуктомъ пораженія воли и мысли марксистской догмою. То робко, то болѣе рѣшительно они дѣлаютъ шаги впередъ, но постоянно оглядываются назадъ, опасаясь уйти слишкомъ далеко отъ старыхъ позицій. Это — компромиссъ между прогрессомъ и застоємъ, между мыслью и рутинною, между фикціями и реальностью.

Герлицкая программа социаль-демократіи Германской Республики, во измѣненіе Эрфуртской программы, составленной, какъ извѣстно, Каутскимъ, смягчила фаталистическія тенденціи исторической концепціи Маркса, формулировавшей прогнозъ неизбежнаго торжества социализма, какъ крайняго звена и финала естественнаго процесса развитія капитализма и прохожденія его черезъ рядъ

предуказанныхъ, «опредѣленныхъ» этаповъ. На конгрессѣ социаль-демократической партіи большинства, предшествовавшимъ выработкѣ и принятію герлицкой программы, раздавались даже рѣшительные голоса въ пользу еще болѣе радикальнаго измѣненія Эрфуртской программы. Нынѣ Каутскій въ своей книгѣ подвергаетъ, хотя въ уступчивой формѣ, критикѣ герлицкую программу съ точки зрѣнія марксистской ортодоксіи.

Каутскій утверждаетъ, что «научная основа социализма» сильно потрясена тѣмъ, что герлицкая программа базируется не на опредѣляющей силѣ экономическаго развитія, «ведущаго съ необходимостью закона природы къ гибели мелкаго производства», а на «волеизъявленіи», на стремленіи къ справедливости. Каутскій признаетъ, что, со времени составленія Эрфуртской программы, положеніе измѣнилось въ одномъ пунктѣ: нельзя уже болѣе говорить о гибели мелкаго крестьянства, поглощеніе крупнымъ землевладѣльцемъ уже не угрожаетъ крестьянину. Каутскій объясняетъ неудачу Марксова прогноза въ этомъ отношеніи возникновеніемъ новыхъ, непредвидѣнныхъ факторовъ, какъ крестьянскіе кооперативы, бѣгство сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ деревни въ городъ, недостатокъ въ деревнѣ квалифицированныхъ рабочихъ. Но это объясненіе равносильно осужденію. Всякій прогнозъ, неспособный учесть въ себѣ факторы развивающагося явленія — какъ существующіе, такъ и должноствующіе возникнуть, — оперируетъ надъ неизвѣстными или не вполне извѣстными данными и потому лишена характера научности. Таковъ именно прогнозъ Маркса вообще. Астрономъ, вычисляющій движеніе свѣтила въ системѣ не вполне установленныхъ пертурбирующихъ тѣлъ, можетъ дать лишь условный прогнозъ, научность котораго можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, быть довольно незначительною.

Эд. Бернштейнъ подробно останавливается на другомъ фактѣ, идущемъ въ разрѣзъ съ теорією развитія Маркса, предвидѣвшею обостреніе классовыхъ противорѣчій, въ результатѣ роста концентрации богатствъ въ рукахъ кучки магнатовъ капитала, вытѣсненія среднихъ слоевъ населенія и безпрестаннаго умноженія пролетаріата. Въ дѣйствительности, произошло возрастаніе среднихъ, по получаемому доходу, слоевъ населенія; социальная пирамида не приняла форму горышка бутылки, а продолжала расти довольно равномерно по всемъ направленіямъ. Бернштейнъ объясняетъ этотъ фактъ подвижностью капитала («акціонерныя общества»), которой въ свое время не учли ни Марксъ и Энгельсъ, ни Родбертусъ и Лассаль.

Каутскій стремится, путемъ своеобразнаго толкованія, найти оправданіе и «теоріи обнищанія», формулированной въ Эрфурт-

свой программѣ: говоря о ростѣ нищеты пролетаріата, Маркс имѣлъ въ виду лишь то, что капитализмъ означаетъ для рабочихъ массъ неминуемое и все болѣе глубокое обнищаніе, если не встрѣчаетъ сопротивленія съ ихъ стороны. Однимъ словомъ, по миѣнію Каутекаго, Маркс далъ въ данномъ случаѣ лишь условный прогнозъ... Съ другой стороны, обнищаніе истолковывается не какъ абсолютное, а какъ относительное обнищаніе, какъ это уже дѣлалъ Каутскій въ 90-ыхъ годахъ, полемизируя противъ ревизионизма: нищета, эксплуатация, гнетъ, необеспеченность, на которые капиталъ обрекаетъ рабочихъ, все острѣе воспринимаются рабочими и переносятся ими все съ большимъ трудомъ, независимо отъ того, возрастаютъ ли эти лишенія абсолютно или нѣтъ. Тѣмъ не менѣе социалисты-марксисты въ теченіе долгаго времени судорожно цѣплялись за непримиримое истолкованіе догмы обнищанія, какъ абсолютнаго факта. Нылѣ фактъ признается и невѣрнымъ и не необходимымъ для торжества социализма. Почему не допустить, что и принятіе этого факта въ порядкѣ относительности не менѣе можно и не болѣе необходимо для оправданія социализма?

* * *

Все дѣло въ томъ, что Марксова догма социализма проникнута духомъ мессіализма, унаслѣдованнымъ черезъ Гегеля и Базара, Канта и Гердера, Мессинга и Боссюэта, отъ отцовъ христіанской церкви до св. Августина и Оригена включительно. Историческій процессъ и участвующія въ немъ силы («пролетаріатъ») идеализируются, по телеологическому методу, примѣнительно къ миссіи подготовленія условій, ведущихъ къ неизбежному торжеству социализма, и притомъ единственными, предуказаннымъ ему путемъ. Въ этого пути нѣтъ спасенія для социализма. Вотъ гдѣ лежатъ корни фашизма въ ожесточенной борьбѣ за марксистскую ортодоксію.

Когда религія живетъ пророчествами, авторитетъ вѣры зависитъ отъ исполненія пророчествъ или отъ возможности допущенія, что пророчества сбываются либо еще сбудутся. Въ противномъ случаѣ разрушается вѣра, вмѣстѣ съ ассоциированными съ нею цѣнностями, или же она наполняетъ свое содержаніе мертвенною схоластикой. Каутскому представляется непостижимымъ, какимъ образомъ быть бы возможенъ социализмъ, безъ признанія Марксовой формулы экономическаго развитія общества, какъ абсолютнаго *destino*.

Онъ, напримѣръ, говоритъ: «Въ тотъ день, когда удалось-бы. убедить меня въ томъ, что будущее принадлежитъ не крупному производству, моя увѣренность въ наступленіи социализма была бы потрясена глубочайшимъ образомъ». Но тогда фундаментъ социали-

стической вѣры воздвигнуть на крайне шаткой почвѣ. Отвергая все пути и методы достиженія цѣли, кромѣ одного, мы тѣмъ самымъ сокращаемъ базу мыслимыхъ достиженій и раскрываемъ широко двери для апатій, разочарованія и скептицизма.

Историческій прогнозъ долженъ оперировать надъ многочисленными и многосложными факторами, являющимися функцией и воли людей. Въ гносеологическомъ и чисто социологическомъ отношеніи, фатальный и повелительный характеръ историческаго предвидѣнія несомнѣннѣе съ природою дѣйствующихъ въ исторіи силъ, веди къ противорѣчіямъ. Въ учета дѣйствія космическихъ и біологическихъ факторовъ, историческій прогнозъ, если онъ дѣйствительно наученъ, можетъ претендовать лишь на формулировку вѣроятностей и возможностей, но отнюдь не непреложныхъ предопредѣленій. Иначе наука деградируетъ, предаваясь миру философики-историческихъ утопій.

Съ другой стороны, «концентрація» отнюдь не является ни необходимою, ни достаточною предпосылкою торжества социализма нашего времени. Исторія знаетъ, напримѣръ, случаи крайней концентраціи богатствъ и землевладѣнія, которые все же не повлекли за собою торжества какого-либо освободительнаго идеала. Таковы были классовыя противорѣчія, концентрація имуществъ и обостреніе социальныхъ антагонизмовъ въ Спаргѣ въ эпоху Агиса и Клеомена. Такова была концентрація землевладѣнія и ростъ латифундій въ Римѣ въ послѣднія десятилѣтія республики и послѣ установленія императорскаго режима. Тогда существовала концентрація не только собственности, но и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, напримѣръ въ горной промышленности и металлургіи, гдѣ древняя крупная промышленность примѣняла раздѣленіе труда и скромныя машины той эпохи, употребляя въ шахтахъ и надземныхъ работахъ цѣлыя арміи рабовъ. Хотя нѣкоторые историки высказываютъ мнѣніе, что жалобы на ростъ латифундій въ Римскомъ государствѣ (плиніевское изреченіе *latifundia perdidere Italia*) преувеличены и заключали въ себѣ элементъ декламации, но несомнѣнно, что предѣлы концентраціи были весьма значительны и во многомъ напоминаютъ формы концентраціи повѣйшаго времени. Возможно даже, что Марксъ исходилъ изъ указанныхъ историческихъ явленій, чтобы рисовать по аналогіи и картину современной капиталистической концентраціи, характеризованной уже, впрочемъ, въ достаточной мѣрѣ предшественниками Маркса, какъ напр. Пеккеромъ и Консидераномъ. Но никакая историческая аналогія не позволила еще установить преимущества социализма и концентраціи. А вѣдь отъ аналогіи до научной индукціи очень далеко.

Правда, условия развития современного капитализма, концентрации собственности и промышленности, роста пролетариата и рабочих масс, обострения классовых противоречий и особенностей современной культуры сильно отличаются от характера античной жизни. Но замыкание цепи капиталистического развития заключительным звеном социалистического прогноза совершается лишь путем логических умозаключений. История же не подчиняется дедуктивной логикѣ.

Идеаль социализма возникъ до капитализма и вѣдь связанъ съ капитализмомъ. Самъ Каутскій написалъ большой томъ, посвященный исторіи социализма до XVI вѣка включительно. Съ точки зрѣнія марксизма, это доктрины — «утопическаго социализма». Это — «утопія», которая въ извѣстномъ смыслѣ стоятъ утопій мессіанизма социалистической доктрины Маркса.

За идеализаціею историческаго процесса, неизбежно будто бы ведущаго къ социализму, слѣдуетъ идеализація класса пролетариата, провиденціального носителя этого социализма. Каутскій по прежнему видитъ основную пружину историческаго подготовленія социализма въ развитіи пролетариата и основной критериумъ социалистической политики въ интересахъ пролетариата. Онъ дѣлаетъ поправку на ростъ интеллигенціи, которая прежде причислялась къ буржуазіи, а нынѣ должна быть ассоціирована съ пролетариатомъ, въ виду «пролетарскаго положенія интеллигентовъ, выходъ изъ котораго къ болѣе высокому уровню жизни возможенъ для нихъ только въ объединеніи со всемъ пролетариатомъ». Но онъ рѣшительно возстаетъ противъ того мѣста герлицкой программы, въ которомъ говорится, что «Германская Соціалдемократическая Партія есть партія трудящагося народа и деревни». По Каутскому, грядущее общественное преобразование можетъ быть дѣломъ лишь класса наемныхъ рабочихъ, лишенныхъ собственности, а не трудящихся крестьянъ, которые, хотя и страдаютъ отъ капиталистическаго развитія, но спасенія отъ его послѣдствій ищутъ не въ социализмѣ. «Крестьяне не разоряются, но, наоборотъ, во многихъ случаяхъ преуспеваютъ благодаря растущей дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ. Они примыкаютъ не къ пролетаріямъ, но къ крупнымъ землевладѣльцамъ».

Съ своей стороны, подобно «ортодоксу» Каутскому, и «ревизионистъ» Бернштейнъ полагаетъ, что «мы должны твердо держаться того, что социализмъ нашего времени въ качествѣ классоваго движенія есть движеніе рабочаго класса... Представитель какого-либо иного общественнаго класса, для того чтобы сдѣлаться социалистомъ, долженъ либо забыть свой

классовый интерес, либо стать выше его. Рабочему же — таково, по крайней мере, убеждение социалистов — нужно только сознать свой классовый интерес — не личный свой интерес, который может быть и иным, — чтобы стать социалистом». Бернштейн, повидимому, забыл то, что он сам некогда писал о различии между действительным и воображаемым (иначе говоря, идеализированным) пролетариатом.

История говорит, что общественные классы не всегда имѣли сознание своих «классовых интересов» и не всегда слѣдовали своим «классовым интересам». Достаточно вспомнить об огромном классе рабов в древности, который, послѣ нѣскольких спорадических возстаній, потопленных въ крови, погрузился въ апатію и доморализацію сервиллизма, о деградировавшем римском пролетариатѣ, продавшемъ себя цезаризму за хлѣбъ и зрѣлища, об обширномъ классѣ мелкихъ собственниковъ и фермеровъ, некогда свободныхъ, но подготовившихъ, отдачею себя въ патронажъ крупнымъ землевладѣльцамъ, свой собственный переходъ въ состояніе крѣпостничества, о феодалахъ, просыпавшихъ у королевской власти, какъ милости, права продавать свои фьефы и тѣмъ терявшихъ въ принципѣ свои феодально-политическія прерогативы...

Въ пониманіи «классовыхъ интересовъ», какъ субстанціи, являющейся верховнымъ регуляторомъ историческаго процесса, есть элементъ мистицизма. Во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи объ отождествленіи воплощенія въ жизни общесоциалистическаго идеала съ требованіями какихъ-либо классовыхъ интересовъ. Въ частности, между содержаниемъ высшаго освободительнаго идеала, каковымъ является социализмъ, и классовыми интересами пролетариата или даже всѣхъ «трудящихся» не можетъ быть поставленъ знакъ равенства. Ибо социализмъ — не только идеаль освобожденія угнетенныхъ классовъ отъ экономическаго гнета и неравенства, онъ — не только экономическій идеаль, онъ не только идеаль классовой и вообще социальной борьбы, онъ — идеаль интегральнаго освобожденія челоуѣчества и строенія его жизни на гармоническихъ началахъ, чуждыхъ всякаго порабощенія, всякой эксплуатаціи и осуществляющихъ высшія формы хозяйственной и социально-политической солидарности.

Современный пролетариатъ знаетъ внутренніе антагонизмы, возникающіе то на базѣ капиталистическихъ отношеній, то на почвѣ существованія іерархіи и расхожденія интересовъ внутри рабочаго класса, независимо отъ общественной формы производства. Онъ знаетъ антагонизмы и борьбу между трудомъ національнымъ и трудомъ иностранныхъ рабочихъ, между работниками и рабочими, между рабочими различныхъ квалификацій, между ра-

бочими соперничающихъ производствъ, между рабочими-потребителями и рабочими-производителями. Онъ знаетъ тенденціи возникновенія новыхъ формъ угнетенія, эксплуатаціи и соціального неравенства въ самомъ рабочемъ классѣ, эксплуатаціи рабочихъ рабочими, образованія монополій, угнетенія пола, угнетенія возраста, національнаго обособленія, корпоративно-цеховаго эгоизма, конфессионально-политическихъ конфликтовъ, совершеннаго игнорированія или извращеннаго пониманія идеала. Образъ дѣйствій обширныхъ группъ рабочаго класса въ повѣйшее время живо напоминаетъ политику грубыхъ вождѣлений низшихъ классовъ населенія въ древне-греческихъ республикахъ, думавшихъ лишь о захватѣ и передѣлѣ имущества, либо римскаго пролетаріата эпохи паденія республики. Вспомнимъ о войнѣ и большевизмѣ. Исторія можетъ повторяться . . .

Самъ Каутскій неоднократно вынуждается собственнымъ изслѣдованіемъ къ признанію дефектовъ современнаго пролетарскаго движенія. Такъ, онъ говоритъ, что «война деморализировала часть силъ пролетаріата»; онъ говоритъ объ опасности влияния «профессиональныхъ интересовъ» въ переходный періодъ, о недопустимости стачекъ рабочихъ противъ социализированнаго государства, объ опасности противоположенія особыхъ интересовъ отдѣльныхъ слоевъ пролетаріата интересамъ общества, о роли политической незрѣлости пролетаріата въ большевистскихъ выступленияхъ, о незрѣлости, проявленной германскимъ пролетаріатомъ зимою 1918 — 1919 года, объ опасности вырожденія классовой солидарности пролетаріата въ цеховую форму корпоративной солидарности, и т. п. Тутъ лишь схоластическое примѣненіе общихъ интересовъ пролетаріата можетъ дать кажущееся разрѣшеніе антиноміи между социализмомъ и «интересами пролетаріата». Пролетаріатъ долженъ быть идейно воспитанъ въ вѣрнѣяхъ социализма, для того чтобы могло произойти слияніе его интересовъ съ интересами социализма.

Для этого социализму нужны широкіе морально-политическіе принципы и критеріумы, соответствующіе природѣ его эммансипационно-созидательнаго идеала.

* * *

Но удивительно, что, при отсутствіи такихъ принциповъ и критеріумовъ, Каутскій подходитъ къ самымъ серьезнымъ и важнымъ вопросамъ то съ мелкими масштабами, то съ болѣе или менѣе натянутымъ примѣненіемъ марксистскихъ критеріумовъ, то съ критеріумами другого порядка, но въ скрытомъ видѣ.

Цѣлый рядъ главъ книги Каутскаго посвященъ вопросамъ социализаціи и социалистической политики въ переходный періодъ.

Мы не можемъ въ этой краткой статьѣ заняться разсмотрѣніемъ этой наиболѣе интересной части книги Каутскаго. Но достойно замѣчанія, что «интересы пролетаріата» и «классовая борьба» играютъ въ пей не болѣе важную роль, чѣмъ боги въ философіи Эпикура.

И Каутскій, и Бернштейнъ избѣгаютъ обсужденія вопроса о войнѣ, et pour cause. Трагизмъ принциповъ соотвѣтствуетъ трагизму самаго страшнаго событія новой исторіи. Не Каутскій ли провозгласилъ въ началѣ войны свою знаменитую мысль, что «интересы пролетаріата» являются верховнымъ и единспасающимъ принципомъ социалистической политики въ мирное время, но что они совершенно умолкаютъ въ тотъ моментъ, когда объявлена война?

И Каутскій, и Бернштейнъ горячо высказываются за демократію, за суверенитетъ народа и верховенство большинства. Но является ли, въ ихъ глазахъ, демократія вышею политическою пормою, обязательною, подобно требованіямъ морали, для пролетаріата въ той же мѣрѣ, какъ и для другихъ социальныхъ группъ, или же она является лишь служебнымъ орудіемъ политики «классовой борьбы» и «интересовъ пролетаріата»? Въ первомъ случаѣ демократія — одинъ изъ суверенныхъ принциповъ социализма, всякое отступленіе отъ котораго должно считаться измѣною по отношенію къ социализму же. Во второмъ случаѣ она, какъ средство, можетъ быть принесена въ жертву иѣли, напр. «диктатурѣ пролетаріата» или ея большевистской контрафакціи...

«Ревизионистъ» Бернштейнъ пишетъ: «Такъ-какъ социалистическое движеніе есть движеніе рабочаго класса, широкаго низшаго социальнаго слоя общества, то оно уже въ силу этого одного является по необходимости демократическимъ движеніемъ». А если рабочій классъ — лишь нѣкоторая часть, лишь меньшинство общества?

Что касается Каутскаго, то онъ проводитъ различіе между «буржуазною революціею», въ которой народная борьба разрѣшается «улицею», и «пролетарскою революціею», въ которой «борьба за овладѣніе пролетаріатомъ политической властью рѣшается массовыми организаціями». Согласно Каутскому, пролетарская революція развивается на основѣ демократіи, между тѣмъ какъ исходною точкою развитія буржуазной революціи является борьба за демократію.

Здѣсь — смѣшеніе понятій и идей. Здѣсь — эквивокъ, порожденный непремѣннымъ желаніемъ втиснуть принципъ демократіи въ рамки классово-пролетарской квалификаціи. Противъ абсолютизма, противъ строя, отрицающаго демократію, необходима и законна насильственная революція, — это ясно. Въ демократіи даже самыя

радикальные преобразования могут и должны совершаться мирным путем, — это тоже несомненно. Но революция первого рода может быть совершена пролетариатом или при значительном участии пролетариата, как это было, например, в России и в Германии. Почему же она должна считаться буржуазной революцией? Если потому, что она не осуществляет еще социализма, то ведь и «пролетарская революция», по Каутскому, воплощает в жизнь социалистическую программу длительно, постепенно и методом прохождения целого ряда этапов. Она осуществляется не пролетариатом, а суверенным народом, дышащим свое социалистическое «волеизъявление». Это — «революция» лишь в смысле радикального преобразования, притом на базе демократии.

Вся эта схоластика понадобилась для внешнего спасения «буквы закона», т. е. пережитков марксизма. Но это — схоластика отнюдь не новая. Спиноза говорил, что с заблуждениями слѣдует бороться даже тогда, когда они кажутся безвредными. Между тем в подобной схоластики есть опасность контакта с тою карикатурою марксизма, которая называется большевизмом.

Каутский и Берштейн бичуют и клеймят русский большевизм. Но они видят в нем скорѣе предательство и измѣну в отношеніи къ марксистской догмѣ, чѣм къ демократіи. Каутский доходит даже до такого униженія, что вступает въ полемику съ Ленинымъ и его подручными, какъ марксистъ съ марксистами: кто правильно толкуетъ Маркса? И поневолѣ вспоминается диспутъ между раввиномъ и патеромъ въ знаменитомъ стихотвореніи Гейне...

Въ литературномъ наследіи, оставшемся послѣ Маркса и Энгельса, большевизмъ можетъ находить мѣста, говорящая въ пользу насильственной, анти-демократической «диктатуры пролетариата», на почвѣ впрочемъ достаточно развитого и завершившаго свою «историческую миссію» капитализма. Съ теченіемъ времени Марксъ и Энгельсъ все болѣе и болѣе склонялись къ мысли о возможности мирнаго осуществленія социалистической программы въ демократическихъ государствахъ. Но эклектический характеръ системы Маркса, эволюція политическихъ идей Маркса во времени и присутствіе догмѣ противорѣчія создаютъ благоприятную почву для истолкованія Маркса въ самыхъ противоположныхъ смыслахъ, даже въ смыслѣ карикатурномъ...

Сличеніе книги Берштейна съ книгою Каутскаго показываетъ, какъ значительно притупились нынѣ острые углы различія марксистскихъ направленій, называвшихся «ортодоксією» и «ревизіонизмомъ». Прежде ортодоксія страдала фанатическою преданностью даже научнымъ формуламъ, а ревизіонизмъ — чрезмѣрною

гибкостью политическаго оппортунизма. Иныѣ обозначились ярче критика у первыхъ и радикализмъ у послѣднихъ. Но у тѣхъ и другихъ все еще сильно поклоненіе идоламъ, а не только идеаламъ.

Медленно прогрессируетъ мысль. Намъ гнетутъ не только живыя, но и мертвыя идеи. Наша катастрофическая эпоха выдвинула заданія, отъ величія которыхъ отстаетъ размахъ критики. Будемъ надѣяться, что дѣло ся, хотя и медленно, будетъ сдѣлано.

Ю. Делевскій

Очередной списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію „Современныхъ Записокъ“.

- „**Морской Сборникъ**“: №№ 9, 10 и 11, — Сентябрь, Октябрь, Ноябрь. — „Бизерта“ (Тунисъ).
- „**Воля Россіи**“: — Декабрь. VII. — Прага. 1922. Январь 1923. №№ 1, 2.
- „**Народное хозяйство Россіи за 1921 г.**“ — Берлинъ 1922. — Редакция газеты „Экономич. Жизнь“. Органъ Совѣта Труда и Обороны. — Стр. 319.
- A. S. Fuschkin**: Kleine Dramen. — 1922. — Verlag Skythen, Berlin. — S. 53.
- „**Стрѣльцы у троа**“, — Русь на переломѣ, Льва Жданова съ 6 рисунками А. П. Апситы. — Берлинъ. Изданіе А. Ф. Девриенъ. Стр. 232.
- „**Князь Илко**“. — Маленькій кавказскій плѣнникъ. — Разсказъ В. П. Желиховской. — Издат. А. Ф. Девриена. Берлинъ.
- В. П. Желиховская**: „Въ татарскомъ захолустѣ“. — Издат. А. Ф. Девриена. Берлинъ. — Стр. 176.
- П. Н. Полевой**: „Избранникъ Божій“. — Изд-во А. Ф. Девриенъ. — Берлинъ. — Стр. 214.
- Сама Черный**: „Живая Азбука“. — Рисунки Mad. — Изд-во „Огоньки“. — Берлинъ. — Стр. 37.
- Дж. Бэрри**: „Бѣлая птичка“. — Изд. „Огоньки“. Стр. 295.
- „**Новая Русская Книга**“: — № 9. — Изд. И. П. Ладъжникова. — Берлинъ.
- Philosophie und Recht**: — Zeitschrift. — Sonderheft. Russische Rechtsphilosophie. — S. 126. Zickfeldts Verlag, Osterwieck — Harz.
- В. Масюгин**: „Томас Бьюик“, 1753—1828. Берлинъ. — Издательство „Нева“ — 1922. — Стр. 110.
- Конст. Эрберг**: „Красота и Свобода“. — Изд. „Скифы“. — Берлинъ. — Стр. 84.
- „**Заря**“: Органъ Соціал-Демократической мысли. № 9/10. — Берлин. — 1922.
- L'Europa Orientale. Rivista Orientale. Rivista Mensile Pubblicata a Cura Dell' Istituto per l'Europa Orientale. — 15 Octobre — 15. Dicembre 1922.
- С. А. Андреевскій**: „Книга о Смерти“. — Томъ I — и II. — Издательство „Библиофилъ“. — Ревель — Берлинъ. — Стр. 356 и 291.
- Александр Амфитеатров**: „Василій Буслаев“. — Издательство „Библиофилъ“. — Стр. 248.
- Савватій**: „Наслѣдство“. — Русское Универсальное Издательство. Берлинъ. — Стр. 62.
- Л. Ставровскій**: „Основная причина эволюціи органическаго міра“. — Русское Универсальное Издательство. — Берлинъ. — стр. 123.